Письма семьи Лепятских

Письмо Виктора Лепятского родителям в Челябинск
5.01.1920, Новониколаевск

Дорогие мои!

Обосновался я в Новониколаевске и служу теперь у начальника новониколаевского эвакуационного пункта в качестве фельдшера. Собираюсь перевестись куда-нибудь в другое место, т.к. здесь я дежурю по приему и распределению больных по лазаретам. Больных проходит очень много, а какие сейчас преимущественно больные – известно. Я только удивляюсь тому, что еще до сих пор не схватил сыпнячка, а схватить чрезвычайно легко. Например, в прошлое свое дежурство (когда я пришел домой) я изловил ровным счетом 10 штук «милых крошек», да все здоровых – заводских.

В Новониколаевск я приехал 5 декабря и 7 участвовал уже в восстании, неудавшемся благодаря всякой «иностранной сволочи», присосавшейся к России, да благодаря гг. правым эсерам. Наклевывалось второе восстание на 15 число, но все старания оказались напрасными, т.к. красные войска уже 18 числа взяли Н-Николаевск, пройдя за сутки 60 верст!!

Праздники встречаю наподобие того, как встречал их по дороге из Петрограда в Челябинск. Если и лучше, то очень-очень немного.

Встретил я здесь совершенно случайно мадам Люсьеву (вчера я слышал, что они уже уехали в Челябинск, и, вероятно, она уже успела побывать у вас и сообщить, что видела меня живым и здоровым и т.д., и т.д.). Интересно то, что когда я с ней разговаривал, она упорно не желала называть меня по имени и отчеству, и хотя выходило очень комично, но она называла меня «Витей», что вызывало улыбочки на лицах слушателей.

С Томском я еще не успел связаться, а потому про Володю, как и про Веруську, решительно ничего не знаю. Еще когда я был за Петропавловском (ближе к Челябинску), Веруська писала, что Володя служит на железной дороге, но выглядит весьма скверно, по-видимому, работает через силу.

Интересно, как вы там поживаете, мои хорошие!? Про папу я слыхал, что он состоит председателем союза лекпомов, имеет огромнейшую практику и живет во славу Божию и в полное свое удовольствие. Правда это или злостная клевета? Вероятно, у вас живут сейчас бабушка с дедушкой – старички Астраханские? Хотелось бы перевестись к вам в Челябу, да не знаю, как бы это сделать. Быть может, Леонид Евгеньевич Уханов может что-либо сделать в этом отношении – так вы скажите ему, пожалуйста, что я его очень об этом прошу.

В Новониколаевске я собирался что-нибудь купить себе потеплее на колчаковские денежки, да номер не прошел: посоветовали такими деньгами самовар разжечь, а в рыбьей шубе потерпеть до лета, а там уж тепло будет.

Ну, пока всего наилучшего, мои дорогие, кланяйтесь, кто спросит и кто еще не забыл про мое существование. Мой адрес такой: Новониколаевск, Фабричная улица, мельница «Сибирский мукомол», квартира Муковозова, Виктору Арсеньевичу Верину-Лепятскому. Пишите. Ваш Виктор.

P.S. В Омске я слышал одну вещицу, распускаемую благодаря фельдшеру Гетману: будто бы доктор В.А. Попов расстрелян благодаря стараниям папы. Поскандалил я там на этой почве, да и только, т.к. условия в то время были слишком не подходящими для подобных споров.

Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 4914. Л. 27, 27 об.

Письмо Виктора Лепятского родителям в Челябинск
30.03.1920,Новониколаевск

Дорогие мои! Не удается мне никак написать вам обстоятельное письмо о моем житье-бытье. Вот-вот соберусь – и опять какая-либо экстренность заставляет бросать начатое письмо. Это письмо я принимался писать уже три раза, и четвертый раз опять начинаю сначала, т.к. с течением времени каждая мысль кажется давным-давно уже устаревшей, и письмо становится даже его автору совершенно чужим. А живу я так лихорадочно, словно собираюсь через месяц умереть.

Получил от вас 20 числа письмо с нашей карточкой и был рад этому безгранично. Вся моя личная жизнь заключается вообще только в ваших письмах и письмах Веруськи, но как те, так и другие я получаю не часто, а потому и моя личная жизнь, которой я был раньше так богат, теперь сократилась до необычайно маленьких размеров. Присылкой этой карточки вы, мои хорошие, не могли для меня сделать ничего лучшего, и этот подарок ко дню моего рождения был самым лучшим, был самым дорогим и милым для моей одинокой жизни здесь, в этой отвратительной трущобе каторжной Сибири. Спасибо вам, мои хорошие! Вы знаете, что мне доставит огромное удовольствие, и вы не забываете своего далекого Виктора и балуете его, чем только можете.

Веруське я уже успел похвастаться своим счастьем, но теперь раскаиваюсь в этом, т.к. ей будет очень завидно и слегка, вероятно, неприятно, что ее забыли, но отослать ей свою карточку я не решился, принимая во внимание, что эта карточка прислана МНЕ МАМОЙ и с надписью для меня.

Веруськин верный адрес таков: Томск, Татарская, 43, кв. 2. И я очень прошу вас послать ей то, о чем мы так много говорили.

Получил я и ваши 2000. Огромнейшее, большущее спасибо. Они мне сильно помогли, но в будущем, пожалуйста, больше не балуйте меня такими лакомыми кусочками. Первое мое желание было отослать их вам обратно, но подумав, что этим самым я могу вас обидеть, я воздержался. Теперь у меня долгов осталось очень немного, и, принимая во внимание то, что в самом недалеком будущем вся моя коммуна окончательно рассеется, я буду в состоянии ликвидировать и остатки. Завтра утром уезжает на родину тот мальчик, который жил у меня. С ним я отправлю это письмо и прошу для него приюта ненадолго, для отдыха от дороги, которая, вероятно, очень утомительна, а так как он еще мал, то, вероятно, устанет сильно. Ехать ему в Красноуфимск. Быть может, из Челябинска выезд не свободный, так вы устройте ему там этот проезд.

От него вы узнаете все подробности моей жизни в Новониколаевске и от него вы можете узнать приблизительно о моих отношениях к той самой «жене», за которую мама так беспокоится. Вернее не за нее, а за меня, грешника, чтобы я не вляпался в какую-либо грязную историю при совместном житье-бытье. Между прочим, для руководства, так сказать, сообщаю, что эта самая «жена» стрелялась при получении дурных известий о своем муже, который, кажется, заслужил должное как начальник особой пулеметной команды, расстреливавшей нашего брата направо и налево. Эта злосчастная женщина скоро тоже, вероятно, уедет и по всей вероятности – в Семипалатинск, несмотря на то, что она с Волги. Если только удастся устроить ее на службу туда, недели через полторы максимум она тоже покинем мое логово, и я буду совершенно один.

Работаю я по-прежнему много и времени свободного у меня по-прежнему почти нет совершенно. Говорят, похудел я сильно с тех пор, как занял должность секретаря нашего комиссариата. Так ведь это не удивительно, ибо работы вполне хватает, и даже я стал притчей во языцех по этому поводу. Работой доволен я вполне, и работаю, пока хватает сил. Вы мне писали что-то о «дешевой популярности», но это в мой адрес не пригодно совершенно, а потому я обхожу молчанием этот вопрос. Относительно «разочарованности» я с вами никоим образе не могу согласиться, так как эта разочарованность может возникать лишь в среде обывательщины, в среде мещанства, которому кисейные занавесочки, сдобные булочки и прочие атрибуты буржуазного мещанства дороже всего на свете, дороже идей мировых, которые ему, мещанину, уж конечно, не под силу. Не может быть золотых гор при наличии такого бесстыдного мещанства, и воздвигнуть их нельзя никакими геройскими усилиями в пять минут. Пусть где-то там, далеко внизу, шипят эти змеи эгоизма, не обращайте на них никакого внимания. Пусть они распускают панические слухи про небылицу в лицах – предайте их суду. Возьмите лучше в руки наши трудовые сводки и посмотрите, откуда идет правда: оттуда ли, где стараются изо всех сил ставить палки в колеса мировому пролетариату, или оттуда, где серп и молот с каждым днем делают огромнейшие победы и завоевания на трудовом фронте, созданном самим пролетарием. Дорогу труду уступают повсюду – распад Антанты ясно говорит о ее бессилии бороться с мировым пролетарием, ясно говорит о тех зловещих прорехах, которые самым беззастенчивым образом сверкают на теле капитализма. Смерть для всего этого давным-давно отжившего барахла не за горами, и близок, очень близок тот час, когда над миром, над всей землей гордо взовьется красное рабочее знамя.

Интересно, были ли вы (кто-нибудь из вас) на митинге, устроенном у вас в Челябе по случаю приезда тов. Троцкого? По имеющимся у меня сведениям этот митинг дал многое сибирякам в смысле прозрения, в смысле показания истинного пути сибирским эгоистам, привыкшим к крупчатке и беспросветному лежанию на боку. Революционное движение в Японии, протест английский рабочих, создание в Берлине Всемирного Союза коммунистической молодежи, несогласие итальянской демократии с политикой своего правительства, головокружительное левение французских социалистов и еще многие другие непроходимые дебри мировой величины происшествий ясно говорят за правильность намеченного коммунистами пути к осуществлению мирового мира и счастья.

Со страшными для инертного обывателя лозунгами, с невозможнейшими, по их мнению, стремлениями вышли большевики на жизнь бороться за право этой жизни. И торжествующий коммунизм разочаровывает тех самых мещан, которые в жизни своей ни разу палец о палец не стукнули для народного счастья и лишь беспрестанно вздыхали о вареньях, печеньях и соленьях. Мещанство умирает вместе с укреплением трудовых лозунгов, мещанство окончательно погибнет при наличии мировой революции, известия о которой мы ждем с часу на час, с минуты на минуту. А там… какой неограниченный простор гению народа, какой размах для пролетарских мощных сил!!!

Ну, довольно политики! Поговорим о другом. Нам так редко приходится говорить, что хочется все-все сразу высказать без остатка, чтобы захватить вас всех в эту прекрасную жизнь, в которую я окунулся с головой и вылезать из нее упорно не желаю. Получил я и вашу телеграмму и позавидовал тем, кто может работать дома. Но теперь, благодаря тому, что мне удалось, наконец, вырваться из цепких лап медицины, устроить мне перевод в Челябинск вряд ли будет возможно, тем более, что я теперь могу очень скоро уехать в какую-нибудь командировку по информации или еще для какой другой надобности. Отъезд мой во Владивосток теперь состояться не может, по крайней мере в самом ближайшем будущем, так как умер тот деятель, с которым я собирался укатить работать к морю. Умер завидный и хороший работник, подкошенный проклятым колчаковским наследием. Свое надежное будущее я представляю так: сначала попаду в Томск, затем – в Красноярск, Иркутск, а потом совершенно не знаю, куда меня могут еще командировать на работу.

От Володи Астраханского получил письмо. Живет на ст. Тайга, работает врачом в приемном покое и беспокоится о своих старичках, от которых он ничего не получал. Зовет меня в Томск так наивно, точно я только и дожидался его приглашения, чтобы сесть и поехать к нему в гости. Чудак-парень!

Вместе с моим мальчиком (Ваня Шадрин) в Челябинск едет и Василий Бухарин, который остался по-прежнему большим ребенком и прежним тюленем. Разница только у него произошла в том, что он еще больше поглупел.

Почему мне Валентинка ничего не черкнет? Что-то даже и обидно становится. Ну, папа – разговор совсем другой: во-первых, он занят по горло, а во-вторых, он пишет письма, кажется, только в самых наиэкстреннейших случаях, и то в письме мамы он черкнул мне парочку строк, а Валентинка совсем зазнался. Пусть не думает, что я на него сержусь, но рассержусь, если он мне не будет писать.

Германок (Гитлин) уехал в Екатеринбург и, кажется, уже порядочное время, так что при его способностях он, вероятно, скоро будет и в Челябинске. Медперсоналу в отношении всевозможных переводов несравненно лучше, чем всем прочим, и им «для пользы службы» можно перевестись хоть к черту на рога. Завидую ему от всей души. Кланяйтесь ему, если он уже там, и скажите, что Виктор стал еще большей шишкой в Новониколаевске, и что его отряд на этих днях должен уехать в Красноярск.

Не помню, писал ли я вам, что при проезде Шумихи я был у Соболевских, они собирались отправляться в Томск. Интересно, где они теперь, где крестная?

Ну, пока, всего доброго, мои славные! Приютите ненадолго моего малыша, маме в хозяйстве он поможет и служить помехой он ни в коем случае не будет. Для меня он готовил обед, и я очень доволен всегда оставался.

Пишите. Ваш Виктор.

P.S. Какой адрес старичков Астраханских? Я что-то его забыл так основательно, что и вспомнить никак не могу. Старое название улицы помню – Сокольничья, а новое, хоть убей, припомнить не могу.

Гимн труду

Посвящается моей матери

1

Да здравствует священный
Наш пролетарский труд!
Раздавим дерзновенный
Проклятый царский спрут!!

2

Рассеем вечный холод!
На празднике труда,
Кует нам счастье молот
И мир несет звезда!

3

Разбиты цепи рабства,
И в мир мы мир несем
В союзе тесном братства
Мы ими труд поем!

4

Будь проклят, дерзновенный
Насильников Ваал!
Прощай навек, презренный
Бездарный капитал!!

5

Пусть всюду процветает
Свобода, мир и труд!
Пусть горны запылают,
Нам молот здесь дадут!!!

Виктор

Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 4914. Л. 28, 28 об.

Письмо Виктора Лепятского родителям в Челябинск

4.04.1920, Новониколаевск

Дорогие мои! У вас там скоро праздник. Поздравляю вас всех. Хотел бы и перецеловать, да почта такого груза не принимает.

Вы провели интересные вечера, которые обычно посвящаются воспоминаниям о минувшем, о близких, дорогих… Я любил эти мистические вечера только потому, что они держались во мне в силу привычки, приобретенной в богобоязненной семье старичков Астраханских. Все эти торжества для меня имели цену как воспоминания детства, далекого и безмятежного. В углу теплится лампадка… Призрачный свет падает как-то необычайно, неуловимо. И мне этот свет всегда нравился за его странность. Теперь я вспоминаю приготовления к празднику самые последние, самые спешные и самые вкусные! Проведу здесь эти дни так, как проходит каждый мой рабочий день. Ничто в нашу работу не вносит изменений, лишь наши революционные праздники немного встряхивают нас от нашей ежедневной массовой работы, и только в эти дни мы становимся несколько иными, чем всегда.

Куличи, окорока и прочие снеди, разумеется, на нашем столе фигурировать не будут, ну, да ведь мы за этим и не гонимся. Было бы чего покушать, чтобы не быть голодным – и ладно. Хотелось бы к вам на эти дни заглянуть, хоть одним глазком посмотреть на вас: как вы живете-поживаете. А в эти дни, наверное, вспоминаете своего Виктора и вздыхаете: «Как-то он там…». Живу помаленьку, беспокоиться обо мне никоем образом не нужно. Живу и живу. От самого себя теперь мало завишу и даже не пытаюсь теперь проситься куда-либо в перевод.

Безусловно, хотелось бы быть со всеми вами, но ведь это не всегда и не для всех возможно, а поэтому я и не ропщу на все это и только прошу вас обо мне не беспокоиться и верить в то хорошее дело, которому я служу всей душой, всеми своими силами. А работать нужно еще много для того, чтобы все неверующие уверовали, и перед этим никто не останавливается и никого это не пугает. Лишь стараемся все по мере наших сил показать то, что до сих пор не видели в нас. Стараемся показать нашу работоспособность, раз мы взялись за это дело. И все это мы с успехом выполняем.

К нам идут и несут с собой еще больше знаний, еще больше сил молодых, свежих и нужных пролетариату. Пусть ваши праздники ознаменуются знакомством, детальным знакомством с теми основоположениями, за которые мы боремся, за которые тысячи лучших из нас сложили свои головы во имя достижения счастья и мира всего мира.

Ваш Виктор

Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 4914. Л. 29, 29 об.

Письмо Виктора Лепятского родителям в Челябинск

21.04.1920, Новониколаевск

Дорогие мои! Наконец-то собрался вам написать, чтобы поделиться с вами моим шикарным настроением, моими лучшими думами и мечтами. Кончилась партийная неделя, неделя страды для каждого партийного человека, в которую нужно было развить максимум энергии в таком паршивом городишке, как Новониколаевск. Сверх всяких наших ожиданий неделя прошла самым блестящим образом, дав среди гражданского населения около 2000 записавшихся, чего никоим образом не ожидал. Партийная неделя в красноармейских частях новониколаевского гарнизона не выяснила еще результатов, но должна быть раза в три больше. Теперь, с окончанием партийной недели, налаживаем новое дело – партийную школу, в которой я опять-таки принимаю самое живейшее участие. Сегодня составили уже программу, которой может позавидовать каждый, кто не сможет услышать намечаемых лекций. Программа такова: 1. История культуры. 2. История революционного движения в России. 3. История партии. 4. Политическая экономия. 5. Советское строительство и попутный разбор программы. 6. История западноевропейского революционного движения: а) великая французская революция; б) история революции в Германии в 1830 и в 1848 гг. в) Парижская коммуна 1871 г. 7. История I, II, анархического, III Интернационалов. Прелесть одна, а не программа!

Сейчас самым усиленным образом готовлюсь к чтению лекций, так как на меня возложены две: история революционных движений в России и в западноевропейских странах. Благодаря этому я освобожден от своих ординарных занятий и всецело поглощен подготовкой к предстоящим лекциям. Из меня, нужно заметить, выработался довольно недурной оратор и лектор, благодаря чему, я думаю, в не особенно далеком будущем уехать в Москву на лекторские курсы, к которым меня тянет самым наиосновательнейшим образом. Недавнее прошлое сулило мне Семипалатинск, Красноярск и даже Томск, но в партийную неделю никоим образом нельзя было отсюда ехать, а теперь перспективы переменились настолько сильно, что я уже и не думаю даже попасть в такие завидные местечки отдыха, как Челябинск или Томск. Точно таким же порядком едва-едва удалось отговориться от назначения военкомом санпоезда. Если бы только это случилось, я теперь бы очень и очень плакал, так как тогда бы мне, безусловно, не удалось бы вырваться с таких должностей. И закис бы я в комиссарах.

Теперь же открываются богатейшие перспективы, широчайшие горизонты, и я очень доволен тем, что не соблазнился тем отдыхом, который мне предстоял при работе в санпоезде. Если бы вам удалось каким-либо сверхъестественным чудом заглянуть в мою душу, вы бы порадовались вместе со мной, поняли бы и, быть может, разделили бы со мной то великолепнейшее настроение, во власти которого я сейчас всецело нахожусь!

Вы, очевидно, все-таки не получали многих моих писем, так как жалуетесь, что я будто бы не пишу вам о тех друзьях и приятелях ваших, о которых я, несомненно, что-нибудь да знаю, живя с ними в одном городе. О П.А. Агапове я писал, и писал даже несколько раз. Писал, что его семью основательно «пообчистили», когда поймали их при удирании из Новониколаевска. Жить им теперь, конечно, приходится так, как им и во сне никогда не снилось, т.е. чисто по-пролетарски, ничего не имея. Каково их настроение, полагаю, можно судить. Ну, так ведь зато царя хотели! Старик Агапов болел сыпняком, теперь поправился и бродит на манер сонной мухи. Как-то я его совершенно случайно встретил на улице, расспрашивал, как вы там поживаете. Он расспрашивал про мое житье-бытье и, кажется, был очень поражен, что мое настроение самое бодрое, несмотря на те мелочи, которые таких, как Агаповы, убивают совершенно. Просил кланяться вам, когда буду писать, что я и делаю. Большего о нем ничего не знаю, так как интересоваться такими глупостями у меня совершенно нет времени, об этом вы сами можете судить, получая мои письма так редко, при том даже писанные на машинке для сокращения времени (а пишу я теперь очень знатно).

(От руки) Случилось самое неприятное, что бывает в Новониколаевске: погасили свет – и писать невозможно. На этих днях думаю черкануть вам еще, а потому заканчиваю пока это письмо. Всего доброго, мои дорогие! Пишите, а то я от вас давненько и решительно ничего не имею. Целую вас крепко-крепко, ваш Виктор.

Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 4914. Л. 30-31 об.

Письмо Виктора Лепятского родителям в Челябинск
18.05.1920, Новониколаевск

Давно я уже не писал вам, мои дорогие! Времени так убийственно мало, а работы много. Съел две коробки каких-то дурацких пилюль от малокровия и немного опять наладился (я вам не писал, что валялся в постели).

Вы зовете меня в Челябинск и соблазняете секретарством в ревтрибунале, но, во-первых, это гражданское учреждение, во-вторых, работа такого секретаря слишком неинтересна, в-третьих, оклад жалованья небольшой и, в-четвертых, мне подобное предлагают и здесь, и в Томске, и в другие прекраснейшие места. Сейчас я занимаю должность ответственного организатора. Работа очень интересная и очень нужная. И до тех пор, пока я не сдвину культпросвет с его мертвой точки, я не двинусь никуда из Новониколаевска. 25.05 в Красноярске состоится партийная конференция, на которую выставлена моя кандидатура. 1.06 в Красноярске же состоится съезд ответственных организаторов, на котором я буду непременно. Томский эвакопункт предлагает организаторство в Томске, Вохр предлагает любую должность в Новониколаевске с правом перевода через некоторое время в любой сектор. Армия предлагает организаторство, комиссарство, и все это в любых частях.

Судите сами, на какую убогую должность я поеду ли в Челябинск? И смешно, во-первых, из армии перейти в гражданское учреждение, а во-вторых, от большой и интересной работы преступно идти на бумагоядение, которое я терпеть не могу. Правда, меня Челябинск соблазняет тем, что я увижу вас всех, тем, что мне не придется заботиться самому обо всех тех мелочах, которые, вольно или невольно, но выползают сами наружу.

Да, между прочим, у меня снова живет Володя Сабинин, и притом – с молодой женой!! Каково! Вот верно Валентинка забасит: «Собака! С молодой женой! Не может быть!!!» А скоро, вероятно, и он вплотную подойдет к этому вопросу.

Время у меня летит поразительно быстро. Дня я совершенно не замечаю. Все меня любят. Работы много. Удовлетворение огромное… Чего же можно желать? Если бы каждый так работал, нет сомнения в том, что над всем миром уже развевался бы единый красный стяг с пятиконечной звездой и с могучим лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

В моей личной жизни переживаний почти нет. Я весь целиком ушел в работу. Веруська зовет к себе, вы зовете к себе, а я все сижу и сижу в этой дыре. Вы мне теперь, пожалуйста, пишите просто без указания должности, так как по мере надобности они меняются весьма часто. Просто пишите: Новониколаевск, эвакопункт (Болдыревская улица), политчасть №. Во всяком случае долго в Новониколаевске я не буду. Если представится еще раз возможность поехать на Восток – непременно поеду туда.

А пока всего-всего доброго. Сегодня вторник. Вероятно, в субботу поедет один товарищ в Челябинск, с которым я думаю отправить это письмо, а вместе с ним маленький подарочек. Целую всех крепко-крепко, ваш Виктор.

P.S. Никак у меня не выходит длинного письма. Все времени не хватает.

Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 4914. Л. 32-33 об.

Письмо Виктора Лепятского родителям в Челябинск
20.05.1920, Новониколаевск

Получил я кое-что из отдела социального обеспечения и хочу поделиться с вами, мои хорошие. Пишите мне, пожалуйста, на место службы, а не на квартиру, так как скоро, вероятно, я исчезну из Новониколаевска, а на службе во всяком случае будут знать мой адрес. Служебный мой адрес таков: Новониколаевск, Болдыревская улица, политчасть эвакопункта №№.

Да, между прочим, хочу сказать вам пример, характеризующий предложения Сибири и предложения Челябинска: там – секретарь в ревтрибунале, в Новониколаевске предлагают помощника начальника политотдела Вохр. Правда, есть ведь где выбирать?

Ну, будьте здоровы, мои дорогие. Пишите, не забывайте, ваш Виктор.

P.S. Нельзя ли у вас насчет штанов смекнуть? А то эта часть туалета, с которой знают меня, все больше и больше смущает, скоро совсем останусь без них, а пока почти ежедневно подчиниваюсь. В.

Кланяйтесь всем, а Вере Николаевне не забудьте.

Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 4914. Л. 34, 34 об.

Письмо Виктора Лепятского родителям в Челябинск
25.06.1920, Новониколаевск

Дорогие мои! Давно-давно я уже не писал вам – хотелось быть немного поспокойнее, чем ежедневно, ожидал все более спокойных деньков, но теперь вижу, что совсем напрасно ожидал этого покоя. Живу все время, как на вулкане, который день ото дня все больше и больше развивает свою разрушительную силу, и нужно много-много сил, чтобы крепко держаться, чтобы не быть отброшенным грязью этого могикана-вулкана далеко в сторону. А сил этих уже нет. Я изработался. Причем самое грустное явление то, что те люди, которые меня боготворили, которые всюду воспевали меня, теперь эти люди стали ничтожными портретами действующих лиц из басни Крылова «Осел и Лев» (или «Умирающий лев» - не помню).

Грустно и больно, что в людях еще так много низкой алчности, благодаря которой пошатнувшегося человека они даже стараются топить, чтобы поживиться здесь и хоть чем-либо.

От назначения в Барнаул мне удалось отвертеться, но эта радость моментально была омрачена той гадостью, которую одну за другой мне начали преподносить. Укажу на один характерный факт: в момент безденежья я отдал бы решительно свои ничтожные сбережения для уплаты жалования актерам, а теперь, когда колоссальными усилиями мне удалось дело не только спасти от гибели, но даже дать ему возможность прогрессировать, мне не только не хотят заплатить моих ничтожных сбережений, заработанных при неимоверно тяжелых условиях каторжным трудом, но еще хотят поживиться здесь и спрашивают с меня 28 тысяч.

Результат для меня – подорванное здоровье, так что руки, не переставая, трясутся. Наблюдаю зрелище, как многие подлецы умеют пролезать на высокие посты, а вместе с тем не имеют морального права состоять членами партии.

Когда в Н-Николаевске узнали, что Верину наперебой предлагают отличные места, злоба завистников моих разгорелась еще больше и начиная с 10 числа и по сие время меня мучают, ищут подвохи, и если таковых не удается найти, создают их сами, чтобы дать чем-нибудь насолить независимому Верину, который решительно не признает чинопочитания и местничества. Обиднее всего то, что мои «враги» - «образованные люди», обладающие 5-6-8 классами гимназии. Теперь мои надежды на Москву, на Главсанурав, где меня знают, и если только мне удастся из этой грязной истории выпутаться живым, постараюсь раскрыть глаза на многое-многое, что твориться в «богоспасаемом» городе Николаевске.

В Николаевске я еще натворю чудес, лишь бы только губчека не успела уехать отсюда. Вырваться только самому из той мерзости, в которую меня забрасывают, а там уж я громко скажу о подлостях, которые не только в партии не могут быть терпимы, но которые во всяком сообществе людей ни в коем случае не могут иметь места.

Об отпуске я теперь и не думаю, так как если я упущу таких голубчиков, каждая белая гадина плюнет мне в лицо и скажет, что рука руку моет, а свои своих покрывают. А белые в Николаевске злы на меня, и их так много здесь.

Пишите на старый адрес: Иркутская, 18. Ваш Виктор.

P.S. Моральные неприятности еще усиливаются тем, что хожу рваный, голый и босой, тогда как заработанные мои гроши не отдают гаденькие личности. В.

Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 4914. Л. 35-36 об.

Письмо Виктора Лепятского матери, Любови Алексеевне, в Челябинск
15.07.1920, Новониколаевск

Милая мама! Вчера получил Ваше письмо от 7.07, где Вы меня снова приводите в православие. Имеет ли смысл? Слишком много передумано и выстрадано. Ни одна мелочь не могла уйти от основательного анализа, и душа теперь представляет сплошное поле игрока – настолько часто приходилось заглядывать в свой внутренний мир, настолько часто необходимо было проверять себя. И не то мне больно, что в нашей среде я увидел подлецов (что случилось совсем не вдруг, как Вам кажется), а убивает огромная трудность привлечь их к ответственности, ибо в большинстве случаев подлец оказывается спецом, которые так необходимы. Даже в наших (и в ничьих) силах было создать необходимый кадр наших работников, а потому и приходится терпеть подлецов. Но быть у власти нам еще необходимо 35 лет, и тогда прощайте мечты всех буржуазно-мыслящих: для Советской России настанут золотые времена на всем земном шаре, принцип революционного строительства будет иметь широкое применение. В эти 35 лет я верю так же, как в то, что Маркс во всяком случае был четным революционером.

Моя личная, частная, жизнь окружена белыми, в среде которых мне до того опротивело, что каждый, кто сейчас начинает канючить и жаловаться, рискует быть побитым. Положим, я стал невероятно нервным и малейший пустяк меня бесит, но все-таки еще ни разу никого не побил, хотя очень жалко. Отвратительная атмосфера, гадкая обстановка. Досаднее всего то, что Веруська почти рядом и не имею возможности быть с ней. Она переехала на другую квартиру (Соляная пл., № 1), служит заведующей юридическим отделом губчека и тоже перегружена работой. Ясно, что при работе в чека, где требуется усидчивость, она нигде не бывает. Ну, вот Берзины и решили, что ее нет в Томске. Поездка в Челябинск сорвалась уже дважды. Эти дни я веду наступление по 2 фронтам: Тюмень-Челябинск, но возможно, что ни то, ни другое не увенчается успехом. Между прочим, на папу и Валю я в большой претензии: неужели за целый год не нашлось пары слов для меня? Ведь целый год!...

(Продолжение) Это я писал утром в 6 часов. На пункте узнал, что завтра едет в Челябу мой однокашник Мещеряков (беспартийный), вот и спешу окончить начатое писание. Если мне не удастся приехать в Челябинск в недалеком будущем, придется просить Вальку теперь же начать подготовку. Пусть узнает, какие труппы работают в Ч., пусть сходит во Всерабис и в Наробраз и узнает, нет ли нужды в инструкторах-организаторах театрального дела и в актерах-невростениках. Если есть нужда, я на всякий случай прилагаю два заявления, которые Валентинка пусть и подаст. Или, может быть, есть в Челябинске место для политработника с жалованием тысяч в 5000. Требовать нужно меня из Николаевского Увоенкомата, в распоряжение которого я поступаю по сдаче дел.

Терпеть не могу, когда пишешь письмо наспех – все моментально испаряется из головы. Да! Огромнейшее вам спасибо за предложение поддержки, но я ни копейки не буду платить, если даже потребуют и заведут судебное дело. Подлецам давать наживаться – немного жирновато будет, кажется. Ваш Виктор.

P.S. Поздравляю с именинником. Не пишет чего-то Володька – я уж его потерял. Да! Сейчас и без того ничтожные шансы попасть в Челябу уменьшились на 75%. Пусть Валя срочно исполнит просимое, а если его будут спрашивать, почему я не служу в Новониколаевске, пусть скажет, что места предлагают везде, но я хочу в Челябинск. Довольно жить по-собачьи – хочу немножечко хоть покоя. В.

Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 4914. Л. 37, 37 об.

Письмо Виктора Лепятского родителям в Челябинск

7.08.1920, Новониколаевск

В ожидании среды 4.08 я не посылал письма, пошлю теперь. Тот товарищ, которого мы ждали во вторник 3.08, до сих пор еще не приехал, а моя поездка зависит только от него.

Теперь я каждый день обедаю и имею довольно приличный угол. Переменил два адреса с тех пор, и вот теперь пишите мне пока на Барнаульскую, 5, квартира тов. Полернова.

Сейчас я имею очень интересное предложение: сходить в деревню на чисто культурную работу. Меня оно очень занимает, во-первых, потому, что спокойная работа, во-вторых, потому что в деревне. Если до того момента, когда нужно будет дать окончательный ответ (через 1,5 недели) я не получу иных, более подходящих, поеду в деревню.

Ну, а пока всего, всего доброго. Ваш Виктор.

Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 4914. Л. 38, 38 об.

Эссе Виктора Лепятского, посланное в письме родителям

Милосердие врагу!

Смертная казнь отменена.

Нужно ли говорить, что этот акт имеет как своих горячих сторонников, так и не менее горячих противников. В принципе, безусловно, никто не желает смертной казни так же, как каждый сам себе не враг и не будет хотеть для себя смерти. Но по тактическим соображениям и принимая во внимание властность характера всех контрреволюционных притязаний, эта отмена смертной казни не выдерживает критики, и в настоящее время является лишь актом беспримерного милосердия к тем, кто еще так недавно считал большой заслугой и несомненным своим правом уничтожать не имеющих даже возможности защищаться проклятых коммунистов.

Смертная казнь отменена.

Но значит ли это, что если высшая мера наказания даже по отношению к контрреволюционерам не будет применяться, значит ли это, что этот акт дает право вновь сплотиться народным ненавистникам вокруг повстанческого лозунга, вокруг нового пламени мятежа? Нет, товарищи! Тысячу раз нет, нет и нет!

Спрут (осьминог) контрреволюции задушен. Жалко и смешно шевелятся еще не умершие окончательно щупальца этого омерзительного хищника, но и жить им осталось недолго! Противник окончательно побит на всех фронтах, и советская Россия стоит тяжелым указом, грозным призраком заслуженного возмездия перед империалистами всего мира. И Антанта дрожит! Она понимает, что борьба с пролетариатом невозможна, когда все тянутся к нему, когда даже солнце светит лишь для освобожденного из беспросветного рабства народа.

Да! Мы кончаем борьбу с русской буржуазией и ее приспешниками и снимаем свой красный террор!! Мы говорим: идите с нами же, иначе вы будете против нас и вы погибнете, а красный террор вас сметет окончательно! Голоса благоразумия никогда не хотят слушать, его отзвуки доносятся до ушей лишь тогда, когда уже он не предупреждает, а констатирует (устанавливает) свершившееся. Нас не послушали и… Мы напрасно предупреждали…

Мы победили и сказали: «Достаточно террора! Покажем миру, что этот пережиток старины не представляет из себя необходимого оружия борьбы для пролетария. Пролетарии могут и без террора! Пролетарий – все!».

В.Верин

Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 4914. Л. 61-62

Письмо матери, Любови Алексеевны Лепятской, Виктору Лепятскому в Новониклаевск
7.07.1920, Челябинск

Моя дорогая, метущаяся душа! Долго не было от тебя писем, почему я уже возымела надежду, что ты в отъезде и действительно приедешь к нам. Но мы получили твое скорбное письмо… Теперь я начну выдержкой из твоего письма от 26.02: «Я не понимаю, про какое разочарование можно говорить людям не коммунистически настроенным? Коммунизм в настоящее время – это сплошное приношение самого себя в жертву будущему. Коммунист не замечает лишений личных, без которых при современной разрухе ничего нельзя создать вновь. Но теперь недалека уже и та грандиозная победа над миром, которая уже день ото дня все яснее и больше вырисовывается». Дорогой мой! Теперь ты, может быть, поймешь, о каком разочаровании говорила твоя мать-пессимистка? Я не знаю учения коммунистов, может быть, оно дивно, и близко соприкасается с учением Христа. Не знаю, не знаю, не имею права порицать, но у нас перед глазами современное правление коммунизма и современные коммунисты… и ты теперь со всем этим столкнулся лично, розовые очки упали с глаз, и душа твоя тяжело ранена…

Мой дорогой! Мужайся и мужайся!... Теперь ведь по твоим же словам переходное время, и идеальный коммунизм еще в будущем… Перемелется, а молоться будет еще долго, будет мука… Ты вдруг среди коммунистов увидел подлецов. Скажи пожалуйста, откуда могли бы взяться иные люди, что были при царизме? Ведь после него прошло всего три года, и новым людям прийти было неоткуда. Скажу даже еще, что теперь подлецов стало больше и вот почему: подлецы при царизме были в «верхах», а «низы» держались крепкой уздой законов и ответственности. А теперь царит извращенная, не похожая на себя «слобода», и подлость разлилась по всему лицу земли… Разве все коммунисты – коммунисты по духу? Думаю, не ошибусь, если скажу, что их только 1/10, а 9/10 из них из других соображений примазались к коммунистам, и вот они-то и творят свое разрушительное дело…

Твоя душа ранена, и ранена, может быть, смертельно. Но будем, дорогой, надеяться на лучшее. Плоть не мощна, а дух бодр… Тело сдается раньше духа, а у тебя тело-то и истощено безмерным трудом. Помнишь, я тебе писала об этом? Поэтому, милый мой, всеми мерами старайся получить отпуск и приехать к нам на отдых. А когда отдохнешь физически, отдохнешь и морально. И вновь можно будет пуститься в борьбу с людской подлостью… Только не теперь, когда ты истощен. Воздержись от «творения чудес» в Н-Н., ликвидируй свои дела, особенно финансовые, а в случае неустойки мы поможем. Приезжай и укажи, куда и сколько нужно уплатить. Почтой переводить большие суммы нельзя.

Целую, Христос с тобою, мой дорогой. Мама.

Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 4914. Л. 69, 69 об.

Письмо Валентина Лепятского Виктору Лепятскому в Новониколаевск
24.02.1920, Челябинск

Дорогой Виктор! Неужели ты еще до сих пор не получал ни одного нашего письма? Мама тебе пишет очень часто. Почему ты думаешь, что у нас гостят старики Астраханские? Они нам пишут редко, но все-таки мы иногда получаем от них весточку. Тетя Саша очень беспокоится о Борисе. Не знаешь ли ты что-нибудь о нем? У них в Самаре большое несчастье: заболела Шура сыпным тифом, и мы еще не знаем, перенесла ли она его. Пиши больше про знакомых, все, что знаешь и что слышал. Ты себе представить не можешь, сколько теперь здесь ложных слухов и сведений и как ценится всякое новое известие.

Расскажу тебе кое-что про дом. Папа работает очень много, но еще больше думает о своей работе. Придирается к каждому слову и все время ворчит, видимо, стар становится. Знаешь, своим настроением он мне все больше напоминает дедушку Астраханского. Хорошо только то, что он мало бывает дома, а когда бывает, то занят больными. Практика у него огромная, и он сильно зашибает деньгу. Но вместе с этим и любовь к деньгам у него растет все больше и больше. Часто меня это возмущает, особенно когда это касается МАМЫ, но я все-таки сдерживаюсь, и у нас еще до сих пор не было с ним никаких конфликтов.

Я тебя очень часто вспоминаю, потому что только теперь я тебя несколько понял, а также понял и твое отношение ко мне, так как я вижу свою бывшую копию в Виталии. Этот Виталий положительно выводит меня из терпения. Растет он ужаснейшим хулиганом, а мама с ним ничего не может сделать. Я помню, как я вас всех выводил своим «ладно» да «сейчас», и теперь так же меня выводит Виталий.

Мама хотя и не служит, но все время работает по дому. У нас все время недоразумения с прислугой. И если бы я не был скаутом, то, наверное, так же бы, как и ты, пустил в нее табаком. Я лично благодарен скаутизму, т.к. он поднял меня во всех отношениях. Но мне за этот скаутизм приходится все время таскаться по разным следствиям и допросам. Я был уже 3 (три) раза арестован и без числа раз меня допрашивали. Вчера я получил повестку: необходимо явиться в Губ. ЧК. Это уже, как ты говоришь, «худее». Обо мне собраны очень подробные сведения, и они знают про меня даже то, что я совершенно не помню. Доносы здесь ужасные. Бабы записываются агентами ЧК целыми улицами. Было арестовано очень много твоих знакомых: т.н. О. Константин, Холмогорцев и др. Умерло несколько наших хороших знакомых: Люсьев, Янин, Киселев, Ядрова. Убит П. К. Любченко какими-то проходимцами в то время, когда он возвращался из Троицка. Здесь теперь каждый день по несколько пожаров, и сгорели такие громадные здания, как холодильник, дом Ахметова и т.д.

Я служу уже около шести месяцев. Во время прихода красных я был арестован за то, что был на батарее с биноклем во время боя. А потом, когда меня выпустили, то я поступил на службу в Губпродком. Меня послали в Полетаево на должность агента по учету и регистрации грузов. В Полетаево я был также арестован за то, что не явился на регистрацию инструкторов скаутов. Но потом меня опять выпустили, и я возвратился в Челябинск. Здесь я служил в последнее время заведующим хозяйством Губпродкома, но по выздоровлении старого заведующего я перевелся в Губсовнархоз и теперь служу в нем. Наш отдел помещается в бывшем Государственном банке. Помещение очень хорошее, да и люди, с которыми я служу, тоже довольно интеллигентные. Виталий все время переходит с места на место, и везде его гонят. Ему очень охота вылезть в делопроизводители, но из-за своего нахальства он до сих пор шляется без места. Между прочим, он курит, и мы ничего не можем с этим сделать.

Мы начали было учиться, но не более как через месяц нас распустили из-за сильной эпидемии тифа. С тифом я так же, как и ты, заключил условие, чтобы он меня не трогал, и до сих пор у нас в семье болел один папа, да и то в очень легкой форме. Я по твоему примеру собрал Союз учащихся, но Союз Ком. Молодежи запретил нам всякие беспартийные организации, и мы были вынуждены разойтись. Наше театральное имущество и ученическая лавочка растащены и растеряны педагогическим советом, которому мы имели несчастье сдать все это на сохранение, и теперь ото всего остались только жалкие крохи. Я здесь понемногу занимаюсь театром: учусь в драматической студии и состою в некоторых культурно-просветительных кружках.

Из твоих товарищей я здесь видел И. Шипулина, Касперского (он здесь служит заведующим Центропечатью). Недавно я встретил здесь М. Мазину, но мне не удалось с ней поговорить и я не знаю, как она сюда попала. Напиши, пожалуйста, как можно скорее, что знаешь про новониколаевских скаутов. Если встретишь там кого-нибудь из них, то советуй от моего имени ехать в Челябинск. Недавно приехали Кудрявцевы, которым удалось сохранить свое имущество благодаря тому, что он был в отпуске, и теперь ему здесь все возвратили. Не слышал ли чего-нибудь о Силиных? Мы с тех пор, как они уехали, ничего о них не знаем. Кстати, у Смирновой большое горе: Галька изволила выскочить замуж за какого-то «англичанина», и теперь она лежит больная, а он арестован и, наверное, уж ему не выбраться. Итак, она – интересная молодая вдовушка. Их брак признали недействительным, потому что он женится уже пятый раз, не разводясь с прежними женами.

У нас дома 2 (две) комнаты заняты квартирантами, и теперь мы посещаемся в двух комнатах, т.к. третья комната (зало) переделана в приемную и в ней спать нельзя. А тут еще во время болезни А. М. Люсьевой у нас жили ее ребята, так у нас и совсем повернуться негде было.
Переписываешься ли ты с В. Астраханским? Мама очень беспокоится, что от него не было еще ни одного письма. Да и из Самары жалуются, что он ничего не пишет.

Ну, что-то уже очень долго пишу тебе письмо (3-й день). Надо будет поскорее кончать. Сегодня узнал новость: наверное, через неделю начнем снова учиться. Всех наших преподавателей сняли с занимаемых ими должностей вытребовали новых из других городов. Таким образом, у нас образовался довольно удачный подбор педагогов. У нас в реальном осталось за нами две свободных комнаты, в которых мы и будем заниматься (2 выпускных класса). Занятия будут производиться утром в продолжении 5 часов и, кроме того, будут практические вечерние занятия. Физические кабинеты реального и гимназии соединили вместе, так что получился довольно приличный физ. кабинет.

Службу приходится бросать, хотя мне ее совершенно не жалко. Занятия у нас будут продолжаться до тех пор, пока не кончим курса. Между прочим, здесь вышел приказ сдать в Нарбанк керенки (40-20 р.), и теперь они поднялись в цене уже на 50 процентов.

Папа хлопочет о твоем переводе в Челябинск через д-ра Зевакина, заведующего военными госпиталями чуть ли не всей Сибири. Если ты только не удерешь из Новониколаевска, то, наверное, твой перевод сюда удастся. Ты надеешься здесь на благодарную работу в партии, уж не знаю почему, но только даже Л. Е. Уханов и тот хочет выписаться из партии. Было бы очень хорошо, если бы ты приехал к нам к Пасхе. Мама тебя ждет со дня на день. Да, вот еще новость последних дней: А. М. Люсьева сильно расстроена психически, ее несчастные ребята сейчас в ужасном положении. Еще в городе совершенно нет дров, и теперь даже у нас бывает до 6 градусов.

Здесь в городе, между прочим, переменили названия положительно всех улиц и площадей. Теперь мы живем не на Солдатской улице, а на Красноармейской. Для большей верности пиши адрес письма таким образом: г. Челябинск, ул. Красноармейская (Солдатская), № 74. Александровская площадь называется Алое поле, Сибирская – Трудовая, Уфимская – ул. Цвиллинга, Казарменная – ул. Сони Кривой и т.д. Дороговизна здесь, как, наверное, и везде, ужасная. Особенно жалуются на дороговизну из Самары. Напиши подробнее про жизнь. Мы предполагаем, как ты там живешь, но определенного ничего не знаем. Пиши как можно чаще. Мама каждый день смотрит в почтовый ящик, а там ничего нет. Мы тебе посылаем целую пропасть писем, а от тебя получили до сих пор только три.

Эпидемия здесь начала уменьшаться, хотя больных все-таки очень много, и все лучшие здания города заняты лазаретами. Ну, уже надоело писать, особенно на машинке. Ты вообще знаешь, как я не люблю писать, а тут расписался черт знает сколько.

Ну, прощай, пиши больше и чаще. Целую, передай привет всем знакомым.

Валентин Лепятский

ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 2378. Л. 247-248 об.

Письмо Виктора Лепятского Вере Лепятской (Вдовченко) в Томск

15.01.1920, Новониколаевск

Хорошая моя Верусенька!

Давно тебе уж я не писал.

Все нет времени: то туда, то сюда день-деньской носишься-носишься, как угорелый, нет ни отдыху, ни сроку. Теперь вполне возможно писать свободно, не боясь никого, а писать-то и нет времени. Ты будешь смеяться до колик, когда узнаешь, чем я так убийственно занят. Ведь я теперь играю роль фельдшера благодаря одному курьезному случаю, имевшему место еще в первые дни пребывания в Новониколаевске под властью Советов. Дело было так: один очень славный эсер (что бывает весьма редко), доктор при мобилизации медицинского персонала в Новониколаевске, спрашивает меня: «Хочешь служить у меня?» - «Ну, разумеется, хочу, т.к. служить-то нужно» – «Так ты пойти туда-то и туда-то на регистрацию и скажи, что ты хочешь поступить ко мне, я там предупрежу». Так все и было сделано. И когда поступил (зарегистрировался), то оказалось, что я ни больше, ни меньше, как студент-медик 3 курса, но попал совершенно не туда, куда ожидал попасть.

Сколько потом ни трудился я, ничего решительно не вышло, и теперь я даже хожу по частным больным, т.к. отказаться нет никакой возможности, ибо меня знают за доктора, и при том еще за хорошего, у которого все очень хорошо вылечиваются. Порой и человечность не позволяет отказать человеку, который так в тебе уверен.

Разумеется, я прибегаю к советам компетентных людей, но тем не менее это все не мешает зачастую приглашать к больному не того, советами которого я пользуюсь. А меня, раба Божьего. К числу моих и без того многочисленных талантов прибавился еще один талант воздействовать на психику больного бритым лицом и очками, за которыми большей частью таится смех, нежели подобающая в таких случаях серьезность.

Немножечко пописываю в «Красном знамени» Моя затея с журналом с места не двигается, и я уже доволен тем, что еще есть надежда в будущем все это устроить. Скажу тебе новость, которую ты, по всей вероятности, не знаешь, т.к. она исходит из перехваченной здесь читинской телеграммы атамана Семенова к чехам. Жаль только то, что эта телеграмма получена не полностью. Пропущено начало, которое, очевидно, дает ко многому из этой телеграммы ключ. Долго сидели мы, разбирая это перехваченное радио, и пришли к такому выводу: что в среде чехо-войск не все обстоит благополучно, что там появился какой-то разлад между чешским командованием и самими чехами, в результате которого чехи, сепаратно от своих отцов-командиров вступили в переговоры с атаманом Семеновым. Семенов обещал им свободный пропуск на восток, но, очевидно, придерживается старинной политики «тащить и не пущать»: дав обещание, одновременно выслал им навстречу вооруженный отряд, который должен был разоружить чешские войска.

Но вышло совсем не так, как ожидал Семенов. Чехи изловили и разоружили этот коварный отряд. Семенов очень обижен и упрекает чехов и представителя французского командования в колчаковской России в том, что они вместо того, чтобы быть с ним, Семеновым, в контакте, создают лишь конфликт. И если задержанный и разоруженный отряд Семенова не будет отпущен и не получит своего оружия обратно, Семенов берет свое обещание о благополучном проходе чехов на восток. Получается чрезвычайно веселенькая картинка, в эпилоге которой, очевидно, чехи вновь сыграют неблагодарную по отношению к России роль чужеземного вмешательства в дела внутреннего характера. И все-таки становится жаль этих бедных чехов, залезших благодаря своей недальновидности в такую кашу, что приход их на родину благополучно и безболезненно – вещь самая наигадательнейшая в мире. Ну, да, положим, им так и надо! Пусть в другой раз будут поумнее и не лезут со своими непрошенными «благодеяниями» туда, куда их решительно никто не просил. На востоке же, очевидно, развертывается новая пантомима, действующими и страдательными лицами которой будет все-таки подневольный простой человек, которого гнут, как хотят, везде, где есть произвол и насилие. Забурлил и там котел, но этот котел будет иметь уже международное значение, т.к. атаман Семенов (содержимый империалистами Японии) будет принимать битву не как мятежник или претендент на пост управителя судьбами целой страны, а как самый обыкновенный наемник, жизнь которого зависит от его победы.

Разумеется, ему будет помогать Япония всеми своими силами, не выступая сама официально. А уж если Семенов не сможет и благодаря этой помощи удержать хотя бы ту область, которая за ним в настоящее время, то ясно, что Японии выступать одной не будет никакого смысла, и начнется или борьба русского пролетариата с империалистами всего мира, или интернациональный пролетариат скажет свое могучее слово. Империализм будет становиться все больше и больше лишь одним воспоминанием.

Еще интересная вещь: Япония уже просила помощи у Антанты для охраны русских восточных железных дорог, мотивируя свою просьбу трудностью ладить с войсками. Через 2-3 месяца она принуждена переменять свои войска, т.к. ни уже заражаются большевизмом. По ее словам, «Сибирь представляет из себя сплошной большевистский костер, искры которого разбрасываются очень далеко и в пожарном отношении сильно неблагополучны».

Пишу тебе, родная моя, на машинке, потому что пером я еще не владею, а машинка представляет из себя огромнейшее удобство для однооруких. Ну, пока, всего доброго. Крепко целую мою маленькую Веруську и желаю ей покойной ночи! О Томске я стараюсь лучше не думать, т.к. потом трудно справляться с хандрой. А как безумно хочется туда! К тебе, родная! Как беззаботно это время прошло! Как хорошо было!!... Ну, да ведь мы еще не умерли! Не так ли, Верусенька? Свое возьмем. Да еще и как возьмем-то!! Твой Виктор.

Мой адрес: Н-Николаевск, Фабричная ул., мельница «Сибирский мукомол», квартира Муковозова, Виктору Арсеньевичу Верину.

ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 4914. Л. 73, 73 об.

Письмо Веры Лепятской (Вдовченко) Виктору Лепятскому в Новониколаевск
10.04.1920 г., Томск!

Милый Виктор! Ура! Я же говорила: мы не только губернский город, но мы и автономная Сибирь, федеративное государство. Что ты будешь сидеть там в Новониколаевске? Лучше Томск, но не Новониколаевск. Я жду тебя, если бы ты знал как… И я уверена, что ты приедешь, и мы будем вместе работать и будем снова счастливы нашим маленьким личным счастьем… Не так ли, дорогой мой!?

Ах! Как я жду этих дней, когда можно будет с родным человеком перекинуться только нам одним понятной фразой, увидеть тебя не во сне, а в действительности, испытать снова твои лапы, но не во сне. Ты иногда приходишь ко мне, я чувствую силу твоих объятий, страсть твоих поцелуев и просыпаюсь с таким чувством, как будто ты только сию минуту ушел.

Я стараюсь на несколько мгновений сохранить эту иллюзию, и как только она рассеивается, я вскакиваю, быстро-быстро одеваюсь, смачиваю голову водой и, едва высушив, бегу в Собес. Там уже ждут, и заводится машина на целый день. Встретишь много людей, много дела переделаешь, но устанешь и захочется отдыха, а он связан с представлением о далеком, любимом человеке. С кем он в эту минуту, так же он любит меня??...

Мучают вопросы и потому снова в работу… Вчера после окончательного слияния Труда и Собеса я решила, наконец, покинуть это учреждение и вступить в должность заведующего ОЗАГСом, заявила об этом в коллегии, но… получила в ответ кулак, которым с самым хитрым видом пригрозил мне т. Архангелов, он чего-то придумал, и я вижу, готовит мне какой-то сюрприз, о котором молчит, но уходить не позволяет. Его громким воем поддерживают остальные товарищи, и продолжаю пока ведать пайком (назначение получила при слиянии Труда и Собеса).

Я жду тебя. Целую, твоя Веруська.

ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 4914. Л. 79, 79 об.

Письмо Веры Лепятской (Вдовченко) Виктору Лепятскому в Новониколаевск
3.07.1920, Томск, Соляная пл., №1

Милый Викт! У тебя, видимо, новостей тоже много, как и у меня, но они все другого сорта. В Трудсобесе я уже больше не работаю, мобилизована как юристка и командирована как коммунистка в Томскгорчека. Сколько всяких доводов я выставила, чтобы доказать, что я не пригодна для такого дела, они ни на кого не подействовали и никого не убедили, что еще больше убедило меня в том, что юрист я никудышный. Надо тебе рассказать, как я попала в число юристов – это тоже знаменательный день. Ведь ты знаешь, что я не кончила университета, и все же меня заставили регистрироваться. Почему? Да потому, что люди, проводившие регистрацию, меня знали, я им попалась на глаза, им не понравилось, что я не хочу работать в юстотделе, и они решили меня извлечь из Трудсобеса, что им и удалось сделать. В то время, когда я составляла регистрационную карту, я очень мало представляла себе эту работу и уверена была, что никому и никогда как юрист не понадоблюсь.

В это же самое время я получила приглашение из Рабкрина г. Ишима и решила принять его. Меня зачислили заведующим юридическим отделом Рабкрина, и я должна была умолять коллегию Трудсобеса, чтобы меня отпустили.

В ту минуту, когда детально обдумывала план действий, мне принесли боевой приказ председателя губчека для переговоров о службе. Я явилась, и оказалось, что там меня знают с лучшей стороны, чем я даже сама себя знала. Ну, и зачислили на службу. Завтоделом Трудсобеса ездил в ревком, губпартком, в чека – и ничто не удалось ему сделать, чтобы отстоять меня. И вот я работаю в новом учреждении, в одиночном заключении, как называю я свой кабинет, и живу на новой квартире, в маленькой комнате метров 7-8, но очень славненькой.

Считаюсь красноармейцем, и потому получаю красноармейский паек.В материальном отношении все хорошо, но вот желания здесь работать у меня не было и нет.

Да и посуди, разве для меня эта работа!? Она ведь только разрушительная. Мы очищаем поле для того, чтобы другие легче и плодотворнее работали. Но работают-то, творят – другие, а не я. Я так далека от созидательной жизни.

У нас ведь совсем особый мир. Вдали от шумного света, от людей. Мы тихо и незаметно делаем свое дело. Нас боятся, нас обегают за десять верст. Об нас рассказывают сказки, которыми пугают маленьких людей. И только очень немногие понимают эту работу…

Но ввиду того, что я и здесь, как и везде, работаю добросовестно и быстро, я сумела уже создать себе известное положение, и не будет преувеличением, если я скажу, что завоевала и симпатии, и доверие сотрудников.

Быть может, я долго здесь не останусь, есть слух, что часть юристов будет взята для Ревтрибунала, и моя кандидатура в числе очень немногих. Этой перемены я бы уж совсем не хотела. Если здесь много работы – мы работаем 8 ч. официальных, а неофициальное время не считаем, то там, в Ревтрибунале, едва ли я в состоянии буду справляться, т.к. людей там совершенно еще нет. Но есть основательная надежда на то, что вообще меня полгода никуда не отпустят.

В.В.

Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 4914. Л. 57-58 об.

Письмо М. Валентину Лепятскому в тюрьму

23.09.1920, Челябинск

Милый Валя! Тысячу раз благодарю за послание, хотя письмо где-то пролежало, но все-таки получила 23 сентября, перед уходом в студию. Но в студию не пошла только потому, что пропала охота рисовать. Вот сижу и никак не могу ничего сообразить. Все в голове смешалось и получился один хаос. Много хочется написать, но боюсь, что попадет не по назначению и тогда…

Да, Валя, мы все очень огорчены Вашим арестом. Не только что К., но все без исключения. Хорошо, что мы не привели мое желание в исполнение, помните, последнюю ночь, а то я думала все бы, что арестовали из-за меня.

О Вашем аресте я узнала первая в понедельник от Леночки, узнала день и время ареста, причину ареста я тоже узнала от нее. Я знаю, Вы не участник этого дела, но кто-то доказал. И если только найдется маленькая улика, тогда дело примет серьезный оборот. Часто о вас навожу справки, и утешительного пока еще нет ничего. Однажды мы решили посмотреть на Вас, когда Вы сидели в Чека, пошли мимо часовых, но, увы, Вас уже не было там в этот день… Вас перевели в тюрьму. Надейтесь, все пройдет хорошо. Я думаю, это не шутка, и будут тщательно разбираться в этом и это будет в Вашу пользу. Бедный, везет Вам, как утопленнику, но что же делать, так, вероятно, суждено. Всегда помни пословицу: «Терпи, казак, атаманом будешь». Она справедлива.

Особенных новостей пока нет. Если знаешь Лелю Пичугину, она умерла, предполагают, что отравилась. Еще мальчик лет 10-11 повесился недалеко от нас. Больше, кажется, нет никаких. Да, еще сестра Вани Другова вышла замуж, только не знаю, за кого. Н. служит, где служил Ваня. К. сначала поступила, потом уволилась, а теперь снова хочет поступать. У нее тоже несчастье случилось. Отца и сестру укусила бешеная собака. Сегодня их отправили в Уфу. К. пришла вся в слезах, но когда узнала про письмо, все улетучилось, начала прыгать от радости, а то все ходила с поникшей головой. Как я только прихожу со службы, она первым делом спрашивает, что слышала про арестованных.

Валя, с вами сидит еще Шура Якубов, передайте ему привет от меня. Пусть он черкнет несколько слов о себе, если это будет только возможно. Передайте ему, что дело их обстоит еще хуже, чем Ваше. Я это узнала из достоверных источников, но есть маленькая надежда.

Пока всего лучшего. Не падайте духом. Верьте и надейтесь, все в руках Божиих. При всяком удобном случае пишите. М.

P.S. Хотя я не знакома с Женей Яхонтовым, но знаю его и Мегорского. Передайте им привет, а также и Ване Другову от всех нас.

ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 2378. Л. 243-244 об.